

ВЕСТНИК НАУКИ
И ТВОРЧЕСТВА

**ИЗМЕНЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКЕ ПОЛЬСКИХ ВЛАСТЕЙ
В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЕВ
В ПЕРИОД САНАЦИИ**

*Гецевич Андрей Казимирович,
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно,
Республика Беларусь*

E-mail: a.gecevich@grsu.by

*Стецкевич Петр Тадеушевич,
Гродненский государственный аграрный
университет, г. Гродно,
Республика Беларусь*

E-mail: piotr_st@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается политика польских властей в отношении еврейского национального меньшинства во второй половине 1920-х - 1930-е гг.

Ключевые слова: Западная Беларусь, Польша, евреи, национальная политика, религия, культура.

Политика польских властей в отношении еврейского национального меньшинства во второй половине 20-х-30-е гг. XX в. была противоречивой и непоследовательной.

Осенью 1926 г. (после майского переворота), когда Юзеф Пилсудский занял пост премьер-министра II Речи Посполитой, к нему с проблемой о судьбе 600 тысяч евреев, которые не имели польского гражданства, обратился министр внутренних дел Фелициан Славой-Складковским. Речь шла об эмигрантах из России и прибалтийских стран, которые нашли в Польше убежище от политического или национального преследования. Они не имели польских паспортов и фактически являлись гражданами второй категории. Кроме того, им грозила депортация в страны, откуда они приехали. По этому вопросу Пилсудский высказался однозначно: «Дайте им польские паспорта. Польша не может себе позволить иметь граждан второй категории, которые будут ее ненавидеть». После этого разговора за короткий срок 600 тысяч еврейских беженцев получили паспорта и права польских граждан [1, s. 130]. Это дело не получило широкой известности, и о ней знала лишь узкий круг людей в тогдашнем правительстве Польши.

На территориях, ранее входивших в состав Австро-Венгрии и России, в том числе и в западнобелорусском регионе, существовали некоторые правовые ограничения для еврейского населения. Статья 126 польской Конституции 1921 г. декларировала необходимость отмены этих ограничений. В 1924 г. к этой проблеме обращался Высший Суд Польши, а также Высший Административный Трибунал. Еврейское представительство в польском парламенте не раз вносила проекты ликвидации ограничений, однако эти предложения не выходили за рамки обсуждений в конституционной комиссии парламента. Только в 1930 г. на заседании Сейма был принят законопроект, в котором говорилось, что «ограничение прав, которые содержатся в правовых актах, изданных в возрожденном польском государстве, и которые противоречат статье Конституции о равенстве граждан, не имеют обязательной силы». Этот законопроект был подписан всеми членами кабинета министров и вступил в силу 10 мая 1931 г. [2, с. 240].

Исполнительной власти необходимо было разработать механизм практической реализации прав еврейского населения, что было сложнее, чем просто их декларирование. Вместо этого в скором времени появились проекты введения новых правовых ограничений для евреев.

В 1932 г. в Польше началась государственная реформа школьного образования. Официально разрешалось существование двух типов школ: государственных и частных. К государственным учреждениям образования были отнесены школы, которые пользовались поддержкой государственных органов и местных городских советов. Все остальные школы были зачислены в категорию частных. Открытие последних разрешалось только после того, как Министерство просвещения получит точные данные о материально-технической базе школы и морально-патриотических настроениях ее педагогического состава.

Данная реформа на законодательном уровне давала право польским властям не допускать открытия еврейских школ, которые имели недостаток финансовых средств. Кроме того, реформа давала им возможность останавливать деятельность уже существовавших национальных учебных заведений. Их закрытие можно было осуществлять по следующим критериям: недостаточная профессиональная подготовленность педагогических кадров; перерыв в учебном процессе более чем на три месяца без серьезных причин; несоответствие политической программы руководства школы государственной политике и т.д. [3, с. 85]. Таким образом, данная реформа позволила установить идеологический контроль над частными школами и поставила под угрозу существование еврейских учебных заведений.

В условиях нарастающего экономического кризиса общественно-политическая ситуация в Польше обострилась. Национальные демократы обвиняли евреев в экономических проблемах Польши и использовали для искоренения их из сферы торговли и свободных профессий такой метод, как бойкот. Типичным примером антисемитской пропаганды эндеков (национальных

демократов) являлась фраза: «Каждый еврей в бизнесе означает голодную польскую семью» [4, л. 20]. В журналах «Торговый еженедельник» («Tygodnik Handlowy») и «Торговец - мир торговли» («Kuriers - Swiat Kurierski») начали публиковать статьи антисемитского характера. Позже началась активная кампания бойкота евреев в торговле и социальной сфере [5, с. 153].

В 1930-е гг. антисемитизм в польском обществе был обычным явлением. Попыткой дать отпор волне антисемитизма стали акции протеста евреев, прошедшие по всей Польше. Еврейские общины многих городов выразили солидарность с Комитетом еврейских парламентариев и Центральным правлением еврейских партий, которые объявили протест антисемитским выступлениям [6, с. 275].

В апреле 1936 года парламент утвердил закон, который ограничивал ритуальный забой животных (шхита). Основным мотивом принятия данного законодательного акта был экономический: стремление исключить еврейских торговцев из сферы оборота, связанной с крупным рогатым скотом и мясом. С экономической точки зрения запрет шхиты угрожал исключением из местного рынка большого количества покупателей: евреи составляли более 25% сельского населения, а в некоторых регионах около 50% [7, с. 43]. Для сельского хозяйства, которое испытывало проблемы со сбытом, этот закон означал снижение цен. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Министерство сельского хозяйства выступило против законопроекта. Однако оно стремилось только добиться некоторых уступок в рамках этого закона, но не изменить факта правового вмешательства в религиозную сферу. В марте 1938 г. закон снова был утвержден Сеймом.

В такой социально-экономической и правовой ситуации у части еврейского населения началась смена мировоззрения. Его новые черты проявились в критике ранее абсолютных авторитетов, формальное исполнение религиозных обязанностей. В 1937 г. правление Гродненской еврейской общины получило письмо от группы раввинов, которые обращали внимание на то, что распространилась практика проведения в больших синагогах платных мероприятий по субботам, что противоречило базовым нормам иудаизма [8, с. 233]. Полицейские чиновники, анализируя политическую жизнь евреев Гродненщины, отмечали, что ортодоксы из-за отсутствия прогресса и несовременности взглядов не пользовались поддержкой местного еврейского населения, а их деятельность не распространялась дальше молитвенных домов [9, с. 159].

Среди факторов, которые влияли на отношения властей и еврейского населения, была так называемая «новая еврейская политика», в основе которой лежала идея, что «новый еврей» обладает национальным самосознанием и должен с достоинством добиваться своих прав как свободный человек [10, с. 205].

Таким образом, после установления режима санации евреи занимали в польском обществе весьма своеобразное положение. С одной стороны, еврейское

население было более лояльной частью национальных меньшинств, которое не представляло угрозы существованию польского государства. С другой стороны, евреи, которые проживали в Западной Беларуси, являлись наиболее маргинальным элементом региона. Не имея своего национального государства, евреи стремились сохранить свою идентичность. Однако в то же время наблюдался постоянный и неуклонный процесс отрыва части евреев от традиционной среды. Права еврейского населения II Речи Посполитой гарантировались международными соглашениями, Конституцией Польши, однако не всегда сохранялись на практике.

Литература:

1. Wolkonowski J. Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i na Wilenszczyźnie 1919–1939 / J. Wolkonowski. – Białystok: WUB, 2006. – 463 s.
2. Żydzi w Polsce odrodzonej. Działalność społeczna, gospodarcza, oświatowa i kulturalna: w 2 cz.; pod red. I. Schipera, A. Tartakowera, A. Hafftki. – Warszawa, 1932. – Cz. 2. – 632 s.
3. Мошук А.В. Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921 – 1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Мошук; Минск, 2007. – 135 с.
4. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). – Zespół 1184. – Sygnatura 975/5. Месячные отчёты об общественно-политическом движении и национальных меньшинствах за 1931 г.
5. The jews of Poland between two world wars / Edited by Y. Gutman. – Hanower; London: University press of New England? 1989. – 414 s.
6. Струнец С. Антисемитизм в межнациональных отношениях в Западной Беларуси 1939-1941 гг. / С. Струнец // Материалы Седьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике: в 2 ч. – М.: Пробел, 2000. – Ч. 1. – С. 273-282.
7. Tomaszewski, J. Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa, 1990. – 114 s.
8. Соболевская, О Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы / О. Соболевская, В. Гончаров. – Донецк: Норд-Пресс, 2005. – 372 с.
9. Государственный архив Гродненской области. – Фонд 662. – Оп. 3. – Д. 6. Отчёты поветовых коменд полиции Новогрудского воеводского о ситуации в поветах (1924 г.).
10. Sztop-Rutkowska K. Stosunki polsko-żydowskie w Białymstoku w perspektywie historycznej / K. Sztop-Rutkowska // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе: материалы международной научной конференции: в 2 ч. под ред. проф. У.Д. Розенфельда. – Гродно: ГрГУ, 2001. – Ч. 1. – С. 203-210.